

Вера Варакина

Совор

историческая фантазия

Вера Варакина

Собор

«Автор»

2023

Варакина В.

Собор / В. Варакина — «Автор», 2023

«Собор» — небольшой роман, основанный на исторических фактах и народных легендах, с долей фантазии автора. Кто мешал созданию уникального Собора Василия Блаженного? Кто они, великие и неизвестные Барма и Постник? Что за тайная и неведомая сила повернула время вспять, чтобы свершилось чудо созидания? Что это было — неизвестная сила будущего, расставившая в прошлом нужные вехи, сила веры и таланта, меняющая историю, или божественный промысел? Ответы на эти вопросы, возможно, найдутся в романе. А возможно, однозначного ответа нет, и правильный ответ придется найти самому читателю.

© Варакина В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1. Царь	6
2. Псков	7
3. Москва	9
4. Град небесный	10
5. Волхв	12
6. Невидимый собеседник	13
7. Одиночество	15
8. Супротивники	17
9. Митрополит в сомнениях	18
10. Глядя вниз	20
11. Таинственный камень	21
12. Дракула	22
13. Учитель в темноте	24
14. Потеря	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вера Варакина Собор

Кто её строил? Пора далека,
Слава растерзана...
Б. Чичибабин

1. Царь

Царь лежал ниц перед иконой Божьей матери и истово молился Богородице. Предстоял поход на Казань. Уже дважды пытался Грозный завоевать её, и оба раза безуспешно. Нужна была царю эта победа, очень нужна.

– Матушка, помоги! – взывал Иоанн, – Только помоги, а уж я тебе, я тебе... Я тебе храм воздвигну! Да храм! Небывалой красоты! Небывалой!

С пола царь поднялся умиротворённый. Он верил, дошла до Богоматери его молитва! Этот поход будет успешным!

2. Псков

В трактире было малоллюдно. Михайло Кряж неторопливо ел похлёбку и слушал, как спорили за столом два его подмастерья. Эти двое всегда спорили. Ждана он знает уже три года. Хороший он мастер. Зодчеству у фрягов учился. Знает много, основательный человек, степенный. На него положиться можно: как скажешь, так и сделает. Да, хороший мастер! А вот, Ивашка... хм, Ивашка! Мастер он, конечно, хороший. И фряжскую школу тоже прошёл. И знает, и умеет он не меньше Ждана. Этого у него не отнимешь! Но... неудобный он человек! Скажешь ему: делай так! А он обязательно в ответ: дядька Кряж, а давай вот так сделаем. Так ведь пригляднее будет! Пригляднее! А заказ уже обговорён и заказчик вполне доволен. Ему, заказчику, надо, чтобы было построено, как положено, а не как хотелось бы Ваньке. Да! И весёл он чересчур, вечно смеётся. А хорошо ли это при таком богоугодном деле, как строительство храмов? Нет, серьёзнее надо быть! Он взглянул на парней и подумал: вот и сейчас Ждан, пререкаясь с Иваном, сердится, из себя выходит. А Ивашка ухмыляется, его раздражение друга вроде бы даже веселит.

– Ладно, паря! – Михайло поднялся. – Надо идти, купцы, наверное, уже собрались. Заказ хороший, нельзя опаздывать.

Со встречи с купцами Кряж возвращался довольный, заказ попался очень выгодный. Им предстояло построить красавицу церковь. Да и денег это сулило немало. Скоро можно будет приступать к строительству. А Михайло любил свою работу, он становился раздражительным, если долго был не у дел. Зодчий вошёл на постоянный двор, где остановился со своей артелью, и направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Там располагались гостевые горницы.

– Дядька Кряж!

Он оглянулся и увидел человека, встающего из-за стола у окна.

Кряж подошёл к незнакомцу и взгляделся в его лицо.

– Постник? – неуверенно спросил он, – Постник Яковлев?

– Узнал! – обрадовался собеседник, – Узнал, учитель! Я по твою душу, Михайло! Присядешь?

– Угостишь квасом, присяду.

Постник махнул рукой служке, и они уселись на лавки. Пока не принесли квас, сидели молча, пытливо поглядывая друг на друга. Кряж смотрел на Постника и вспоминал. Тот когда-то был его любимым учеником: талантливый, приветливый, послушный Кряжу во всём. Как сын он ему был. Как сын. Столько сил было в него вложено. Столько надежд на него возлагалось! Когда Постник решил уйти, это было как удар ножом в сердце. Михайло тогда не сразу и понял, что говорит его любимец. А когда понял, не сказал больше Постнику ни слова. В тот же день разогнал других своих учеников и ушёл один скитаться по городам и весям без всякого дела, нигде надолго не останавливаясь и ни с кем не общаясь. И только через полгода, проходя через одну из деревень, увидел он, как мужики строят церковь, и понял вдруг, как соскучился по любимому делу... Да! Не чаял он больше встретить своего неверного ученика!

– Ты слышал, что царь ищет зодчих для постройки дивной церкви? – начал Постник.

– Ну как же, слухами земля полнится!

Опять помолчали. Наконец, Постник осторожно спросил:

– Ты не хочешь попробовать?

Кряж проглотил сухой комок в горле. Этот чудак ещё спрашивает. Конечно, он хочет! Работать вместе с Постником! Снова вместе работать! Старый мастер забыл свою горькую обиду и месяцы бесприютных скитаний! Главное, что Постник его вспомнил! И его, именно его зовёт работать вместе! Они построят этот храм! Храм дивной красоты! И вдруг откуда-

то выскочила ехидная и безжалостная мысль: «Ты ведь уже помышлял о царевой задумке и знаешь: не по Сеньке шапка!». Михайло чуть не задохнулся от горечи и глухо произнёс:

– Опоздал ты, друг! Я уже принял заказ на строительство храма, здесь в Пскове. Да!

Он зло посмотрел на Постника, потом наклонился к нему и тихо, почти шёпотом сказал:

– Я думал об этом. Кто же не хочет построить церковь невиданной красоты? Да! Но, я не смогу. Я никому не скажу этого, только тебе, ученик! Я не смогу. Я умею строить хорошие церкви. Мне за них не срамно. Но я строю так, как строили до меня. Ничего нового я придумать не могу. А ты, значит, можешь, ученик?

– Мне страшно, – тоже тихо ответил Постник, – Но я думал, что вместе мы сможем.

– Нет, не сможем. Зря ты пришёл.

– Чего уж там! – Постник махнул рукой и поднялся.

В дверях трактира появились Ждан и Иван. Увидев их, Кряж, неожиданно для себя, протянул руку и схватил зодчего за рукав:

– Пстой-ка, ученик. Видишь в дверях рыжего парня? Это Ивашка Барма. Это тот, кто тебе нужен.

Постник посмотрел на высокого, худого, лыбящегося парня и перевёл оторопелый взгляд на Кряжа.

– Уж поверь мне, ученик. Просто поверь! – грустно промолвил Кряж.

Рука Яковлева непроизвольно сжалась в кулак. Медленно, с усилием разжав кулак, Постник пошёл прочь.

А Кряж, след уходящему Постнику, усмехнулся, – Это мой подарок тебе, неверному.

3. Москва

Постник и Барма отвесили царю земной поклон и встали, опустив очи долу. Царь же внимательно осматривал зодчих. Оба высокие, белобрысый – старше, рыжий – моложе. Белобрысый – здоровый, крепкий, а рыжий – худой, мослы торчат из под рубахи. У обоих длинные волосы прихвачены через лоб ремешками. Значит, вот эти мужики могут построить ему храм лучше, чем это сделали бы фряги?! Ну-ну, интересно, где их митрополит Макарий нашёл? А может, стоит попробовать? Неужто наши против иноземцев не сдюжат? Ведь ничем же не хуже! И рост, и красота – всё у них есть! А мастерства, выходит, нет?

Царь прошёлся по палате, потом резко остановился перед зодчими и спросил:

– Так вы можете построить мне дивный храм? Лучше, чем иноземцы? – он грозно смотрел на мужиков. Те, молча, уставились в пол. И вдруг рыжий поднял голову, взглянул царю прямо в глаза и, улыбнувшись, сказал:

– Вестимо, можем, Государь! – и поклонился в пояс.

– Ты что ухмыляешься, смерд? – рассвирепел царь.

Лицо митрополита стало бледным. А рыжий, не убирая улыбки с лица, ответил:

– Великая радость видеть Государя нашего царя Иоанна! Сердце поёт!

– Ишь, ты! – оторопел царь: «Смелый! Или хитрый? А может, чуёт смерд за собой правоту? Знает, что есть у него силы построить невиданной красоты церковь?» – царь посмотрел на зодчих. Оба стояли, смиренно опустив головы.

– Ладно, пошли прочь!

После того, как мужики вышли, Иоанн повернулся к митрополиту, тяжело опёрся на посох и сказал:

– Будь по-твоему, митрополит! Пусть эти весёлые холопы построят мне храм. Ведь лучше, чем фряги сделают, не так ли?

– Я верую в это, великий Государь! – перекрестился митрополит.

– Мы все в это веруем! А если они нашу веру порушат, мы над ними посмеёмся, не так ли? – и, глядя на митрополита, Грозный улыбнулся. И почувствовал Макарий, как от этой улыбки, все внутренности в его животе сжимаются в тугой комок, а ноги отказываются держать тело. «Господи, сохрани и помилуй!» – промолвил он про себя, изо всех сил стараясь не упасть.

4. Град небесный

Несколько дней они спорили не переставая. Идеи было много, но образ храма не вырисовывался.

– Ну как? Хорошо ведь? – радостно спросил Постник, рассказав свою задумку.

– Хорошо. Только какой же это град небесный, о котором говорил нам Владыка? Стоит одна церковь и всё!

– Надо же с чего-то начинать! Пусть для начала будет эта церковь! – горячился Яковлев.

– Это похоже на то, что вы вместе с дядькой Кряжём делали.

– Да где похоже-то, где? – упавшим голосом спросил Яковлев.

– А купола?

– Да все купола похожи! – ответил Постник. Потом, обиженный, отвернулся от друга и погрузился в раздумья.

А то Иван, вскочив утром с постели, улыбаясь, заявлял:

– Смотри, что я придумал!

– Угу, хорошо! – угрюмо отзывался Постник. И улыбка сползала с лица друга.

Как-то раз, возбуждённо пробежавшись по комнате туда-сюда, Постник неожиданно остановился перед Бармой и воскликнул:

– Ну, давай, давай подумаем, давай вспомним, что говорил нам Владыка о строительстве храма!

– Что тут помнить-то! – рассердился Барма, – Вот, слушай, Владыка сказал: создать вроде как Град небесный из нескольких церквей, одну церковь посвятить Богородице и 8 церквей посвятить восьми дням решающих боёв за Казань, восьми святым, почитаемым в эти дни. Всё ясно, всё понятно! Да ведь всё просто, и ничего тут сложного-то нет! – Иван в сердцах стукнул кулаком по столу.

– Сложность тут в том, как это сделать! Как объединить все эти церкви одним замыслом – тоже сердито ответил Яковлев, – А ты лучше думай, а не стучи кулаками по столу. Это делу не поможет!

Оба примолкли и глубоко задумались.

Наконец, Постник не выдержал, схватил шапку и сказал:

– Всё, пошли на площадь, там будем решать, на месте!

Вот голова! – воодушевился Барма. – Знамо дело, на месте виднее.

Они исходили Троицкую площадь вдоль и поперёк, несколько раз обошли вокруг деревянного храма Покрова. Смотрели, прикидывали. Нет, не давался им образ храма, мелькал и ускользал, мерещился и пропадал. На второй день они шли на площадь уже без прежнего воодушевления.

– А ведь казнят нас, пожалуй, если царю не угодим, а Ивашка?

– Казнят! – спокойно ответил Иван, – Если мы своё обещание не выполним, что ж делать? Казнить придётся.

– Тьфу, на тебя! А всё ты! Кто тебя за язык тянул? Ты зачем обещание давал? Вестимо, можем, Государь! – передразнил он друга.

– А что я должен был говорить? – рассмеялся Барма. – Нет, батюшка Государь, не можем! А сюда пришли на тебя поглазеть!

– Нет, конечно, – вздохнул Постник, – А всё-таки, надо было как то по-другому.

– Вот ты бы и говорил – начал Иван и вдруг затих, пристально глядя на собор. – Слушай! А если так: восемь церквей кругом, а в центре – девятая церковь – самая высокая. Как тебе?

Яковлев тоже посмотрел на храм, улыбнулся, перевёл взгляд на друга и хлопнул его по плечу:

– Верно, и можно сделать так: четыре церкви расположить по осям, по сторонам света, вот так вот, – он сложил руки крестом, – А ещё четыре – между ними, и эти церкви сделать поменьше и пониже осевых. Ну, как?

– Хорошо, друг! Восемь церквей покрыты главками, а церковь в центре венчает высокий шатер! Да, и каждая из церквей должна быть своеобразна, а...

– А вместе чтоб смотрелись как единый храм! – подхватил Яковлев.

Вокруг толпился народ. Люди сновали туда-сюда мимо Постника и Бармы. Они же, не замечая никого, радостно кричали что-то, хлопали друг друга по плечам, улыбались.

– Эй, мужик! – кто-то ткнул Постника в плечо, – У тебя шапка упала, как бы не сперли!

Яковлев, всегда спокойный, серьёзный и аккуратный, конфузливо посмотрел вокруг, поднял с земли шапку и виновато улыбнулся:

– Пошли домой, Ивашка! Не дело это, стоять тут и руками махать.

По дороге домой, после непродолжительного молчания, Постник задумчиво спросил:

– Слушай, Иван, ты видел на площади двух иноземцев?

Барма, весь в мыслях о храме и предстоящем строительстве, озадаченно глянул на товарища:

– Каких иноземцев? О чём ты?

– Я, когда за шапкой наклонялся, почувствовал, что кто-то смотрит на меня. Глянул в бок, а шагах в пяти от нас два человека, обличья не нашего, стоят и смотрят на нас. Как-то странно смотрят. Поняли, что я их увидел, быстро отвернулись, как будто мы им и не интересны вовсе.

– Ну и что тут странного-то? Иноземцы смотрят, как два москвиты посреди толпы людей шумят, руками машут. Занятно, видать, мы смотрелись. Брось ты об этом думать. У нас такое дело!

– Ну, может ты и прав! – вздохнул Постник.

5. Волхв

Истома поджог костёр. Бережно завернул кремень и кресало в тряпицу, спрятал её в торбу и присел на старый дубовый пенёк. Он смотрел, как разгорается пламя, охватывая погребальный костёр, на котором лежал верховный волхв Радомир. Последний волхв. Старая религия покидает этот мир.

Сегодня утром он пришёл в святилище и оторопел, всё вокруг было разорено: жилище жреца разграблено, идола повалены и порублены. Только высокое, в два человеческих роста изваяние Сварога повалить полностью не удалось. Оно наклонилось на уровень головы Истома и, казалось, что грозный лик бога гневно смотрит в лицо человека. А посреди всего этого разора лежал волхв.

Истома бросился к нему, упал на колени, воззвал громко, в голос:

– Владыка, слышишь ли ты меня?

Волхв был мёртв, причём уже давно, дня три. Следов ран и ушибов на теле не было. Да и кто бы смог нанести побои или раны верховному жрецу? В его силах было навести огонь на любого напавшего на него. Да ему и нужды в том не было, его чары делали невидимым святилище для любого непосвященного. Значит, сначала Радомир умер. После этого пали охраняющие чары, и святилище разорили лихие люди. Стар был волхв, очень стар! А силы, чтобы победить смерть, нет даже у верховного жреца. Пропев прощальную песню над трупом, Истома занялся горестной работой. Отправляясь в святилище, он обычно брал с собой топор. Всегда надо было что-то сделать, отремонтировать, наколоть жрецу дров. В погребке у Радомира был кой-какой инструмент, но Истома любил работать своим, да и в дороге топор всегда мог пригодиться. Сейчас же, оглядывая опустошённый погреб, он радовался своей предусмотрительности. Истома нарубил березовых и дубовых дров, сложил из них четырёхугольный погребальный костёр, обмыл покойного. Надо было бы переодеть мертвеца в белые погребальные одежды, но ничего не нашёл Истома в разорённом жилище волхва. Ну что ж, – подумал он, – Придётся отправлять жреца в последний путь в той одежде, что была на нём. Благо, что лихоимцы не стали глумиться над трупом, не посмели раздеть его. Помнят значит, что поднявший руку на волхва, даже мёртвого, проклят будет во веки веков! К закату всё было готово.

Огонь быстро охватил весь костёр. «Не так бы надо хоронить великого волхва, – глядя на огонь, думал Истома, – ох, не так! Неправильно это! А что сейчас правильно? Люди отвернулись от своих старых, истинных богов. И те, покидая этот мир, наказывают беспамятных и неблагодарных людишек. То ли ещё будет!».

Дым от костра поднимался ровно и густо. «Это хорошо, это значит, что Сварог не гневается на жреца и примет его душу в свой мир».

Переночевать Истома решил под стоящей в сторонке одинокой елью, чьи густые ветви опускались до самой земли. Дома его ждала жена, однако идти ночью по лесу было страшно, люди разорившие святилище могли быть где-то поблизости. Здесь оставаться тоже опасно. Разбойники могли видеть дым от костра. Истома это хорошо понимал, но надеялся, что на разграбленное место возвращаться им не захочется.

– Ох, грехи наши тяжкие! – вздохнул мужик, залезая под низкие еловые ветви. И, уже засыпая, прошептал охранное заклинание, – Чур, меня! Чур!

6. Невидимый собеседник

– Что это? – голос прозвучал совсем рядом с Истомой. Мужик испугано открыл глаза, похоже, недалеко от ели кто-то стоял. Истома боялся пошевелиться. Сквозь густые еловые лапы пробивался дневной свет.

– Тут что-то сжигали! – ответил другой голос.

Послышались шаги, человек отошёл от дерева.

– Да здесь идолы. Ваши языческие боги. Какая мерзость! Это языческое капище! Не знал, что соотечественники ваши до сих пор поклоняются истуканам!

Истоме сквозь узкий просвет еловых веток неясно виден был один человек: высокий, худой, в длинном чёрной хламиде и чёрном клобуке, какие носят монахи. Спутника его не было видно.

– Всё разграблено, похоже, поработали разбойники. Интересно! Тут действительно что-то сжигали, – Продолжал монах, – Ну, любезный друг, что вы скажете об этом?

– Не понимаю, как такое возможно. В отечестве нашем язычество истреблено, выведено под корень.

– Ладно, оставим это. Брат передал что-нибудь для меня?

– Вот, возьмите, – ответил невидимый собеседник.

– Ну, что нового в Москве? Как поживает король Иоанн?

– Ваша милость, в нашем отечестве короля называют царём.

– Ах, да-да! Не могу привыкнуть к вашему варварскому языку.

– Ваша милость, слово царь образовано от римского слова цезарь!

Истоме почудилось, что сказавший это усмехнулся.

– Вот как?! – голос монаха был кислым, – так как же поживает царь Иоанн?

– Царь здоров. А в Москве царским повелением начали возводить новый храм в честь взятия Казани.

– Как, ещё один? На Троицкой площади уже стоит церковь в честь славной победы царя!

– О, нет! Это деревянный храм сносят, а вместо него воздвигнут новый, необыкновенный собор, собор невиданной красоты!

– Да, царь Иоанн очень ценит свою победу над Казанью! Строить будут итальянцы, конечно?

– Нет, ваша милость! Зодчие – русские.

– Это что-то неслыханное! Чего можно ждать от русских? Царь Иоанн сошёл с ума!

– О, не смейте говорить такое, ваша милость, даже в лесу! – испуганно вскрикнул невидимый собеседник монаха, – Молю вас, будьте осмотрительнее в своих речах!

– Хорошо, хорошо! – спокойно ответил тот, – Нам пора расстаться. Если понадобится новая встреча, я вам сообщу. Прощайте!

Послышались шаги. Собеседники разошлись в разные стороны.

Наконец-то! – Истома осторожно вытянул затекшие руки и ноги. За всё время разговора он не пошевелился, боясь, что его обнаружат. Он осторожно вылез из-под ели. Что это за люди? Бог весть! Одно понятно, тёмные это людишки! И лучше бы Истоме вовсе с ними не встречаться.

По лесу он шёл быстро, но осторожно, неслышно ступая по росистой траве. Дорога была знакомая, сколько раз приходил он сюда в святилище, последний прихожанин последнего волхва. А ведь, когда ребенком, батюшка впервые привёл его поклониться Сварогу, то жрецов было трое. А молилось тогда в святилище в иные дни до сорока человек. Да, много времени прошло с той поры. Пять лет назад сгнули сразу двое последних его единоверцев. Фёдор умер от старости, затем утонул Мишута Меньшов. Как рыдал тогда Истома, ночью, накрыв голову

тулупом. Так ему было плохо, думал, что сам умрёт. Вот странность – подумал Истома, – Когда Мишута утонул – рыдал, а над жрецом и слезинки не пролил. А что тут странного, волхв был очень стар, рано или поздно это должно было произойти. Хотя, не в этом дело. Окаменел он душой – вот причина. Что дальше-то будет? Тоскливо было на душе у Истома. И поделиться этой тоской не с кем. Вот горе-то! Жена Авдотья верует в Сварога. Но вот уж лет десять, с тех пор как умер их единственный сын, перестала посещать святилище. Тогда словно что-то надломилось в ней. Дома стала молиться. А позднее стала говорить, что, страшно ей! Вдруг кто проведает. За такие дела можно и на дыбу. Это-то верно. Ему и самому бывает страшно, а всё нехорошо дома молиться. Для этого есть святилище.

Что-то мелькнуло справа от Истома. Он замер, осторожно повернул голову и внимательно осмотрел лес. Всё было тихо, не качалась ни одна ветка. Он поднял глаза повыше. Белка глянула на него глазками-бусинками и пропала в ветвях дерева. Мужик вздохнул и пошёл дальше.

В этот же день в английском подворье на Варварке, посол имел приватный разговор с высоким, худым человеком из леса, сменившим наряд монаха на одежду английского купца. Чувствовалось, что человек этот вполне равен послу по своему положению. Так и было, капитан Ричард Рейнольд был направлен в Россию лордом Берли под видом купца для выполнения особой миссии. Сидя в кресле и попивая вино, любезно налитое и поданное ему послом, он говорил решительно и твёрдо:

– Вот это, господин посол, вы передадите лорду Берли. Здесь сведения о положении на севере Московии, – он положил на стол свиток, перевязанный верёвочкой, и подвинул его к послу, – Я думаю, Север вполне может перейти под управление нашей Королевы, при определённых усилиях, разумеется.

– Но, сэр, вы и сами могли бы доставить эти вести в Лондон. Разве ваша миссия здесь не выполнена?

– Наша миссия никогда не заканчивается, – сухо вато улыбнулся купец, – Я думаю сам посетить северные земли.

– Ну что ж, – посол тоже улыбнулся, – интересы Англии превыше всего. Да, вы слышали, сэр, что царь Иоанн поручил строительство главного своего храма русским мастерам. Какая самонадеянность! Так и хочется щёлкнуть царя по носу, сделать так, что бы Иоанн понял всю ничтожность своих подданных.

– Могу вас успокоить, господин посол, – собеседник посла саркастически усмехнулся, – Мои люди видели этих мастеров. Настоящие варвары! Они стояли на площади: кричали, размахивали руками, хлопали друг друга по плечам, смеялись. Строительство великих зданий требует от людей не только большого ума и выучки, но и высокой умственной и духовной сосредоточенности, что выражается и в сдержанности поведении. Эти люди вряд ли смогут построить что-то достойное. Царь московитов будет наказан за свою самонадеянность. Возблагодарим господина, за то, что он избавил нас хотя бы от этих трудов! У нас здесь и так достаточно дел!

7. Одиночество

Со стройки Постник и Иван возвращались обычно затемно, работы было невпроворот. Но сегодня пришлось уйти пораньше. Дождь лил с самого утра, а в полдень добавился ещё и ветер, холодный, промозглый, забирающийся под одежду. Работу пришлось прекратить. Зодчие шли, скукожившись, кутаясь в суконные епанчи. Но промокшая под дождём одежда не спасала от холода.

– Что же это такое делается? – бормотал Барма, глубже натягивая на лоб шапку, – за какие грехи мне такое наказание!

– Ухмыляешься ты много, весёлый очень – это ли не грех?! – сердито ответил Постник.

– Ох! – вскрикнул Барма. Холодная струя дождя попала ему прямо в глаз.

– Всё, не буду больше смеяться. Буду серьёзен, как ты! Хочешь, побожусь?

– Обещай, обещай! – раздражённо сказал Яковлев. – Напрасно побожиться – чёрта лизнуть!

– И чего ты такой сердитый-то? – рассмеялся Иван, – Сейчас придём на постоялый двор, там в общей зале печь топится, согреемся.

И Постник, представив тёплую печь посреди большой трактирной залы, невольно улыбнулся.

Увидев своих постояльцев, мокрых и замёрзших, хозяйка трактира Алена всплеснула руками:

– Разоблачайтесь, болезные! А я вам сейчас сбитню подам.

Сбитень пришёлся очень кстати.

Переодевшись в сухую одежду, привалившись к стене, зодчие потягивали его и чувствовали, как тепло разливается по телам. Хозяйский сын Максимка поставил перед ними щи:

– Кушайте на здоровье!

Иван сонно посмотрел на еду, потом на друга:

– Что-то не хочется мне есть, спать хочется.

– Не дело ты говоришь, мастер! – вмешалась в разговор проходившая мимо Алёна, – После такого ливня вам обязательно надо щец похлебать, чтобы никакая хворь к вам не пристала.

– Слышал, что хозяйка сказала? Ешь давай! – сурово ответил Постник.

В комнату к себе поднялись сытые, разомлевшие. Улеглись на лавки, и Постник задул свечу.

– Слушай, друг! – раздался в темноте голос Ивана. – А ты никогда не хотел жениться? Чтобы не чужая душа, а жена около тебя хлопотала, когда ты с холода придёшь домой?

Постник молчал.

– Ты спишь уже, что ли? – удивился Барма, – Ну, ладно спи.

Но Постник не спал. Вопрос друга разбередил ему душу. Он вспомнил, нет, не жену, не было у него жены. И не встретилось ему на пути женщины, которую бы он хотел видеть своей женой. Да и где бы ему, при его работе, встретить такую женщину? Матушку свою он вспомнил, которую оставил много лет назад, уйдя работать вместе с Михайло Кряжем. Первое время он изредка ее навещал. Но потом всё дальше уходил он от дома. Всё больше и лучше становились церкви, которые он строил, грандиознее становились замыслы. И удалялся, угасал образ матери. Думалось, вот построю этот храм, тогда и навещу матушку. Но подворачивалась новая работа, важнее, лучше прежней. И снова встреча отодвигалась на неизвестный срок. Постник подавил в себе горестный вздох. Он ведь не собирался строить храм Покрова в Москве. Думал, что не выстоять ему против фрягов, куда там! И пока есть свободное от заказов время, решил съездить в деревню к матери. Но проезжая Псков, случайно узнал, что тут Кряж со своей арте-

лю. И вспыхнула в нём надежда! Да, один он боится строить для царя церковь. Но с дядькой Кряжем вдвоём они смогут! Конечно, смогут! Как манила, как звала его к себе эта работа! А Михайло предложил ему вместо себя Ваньку. Чуть не ударил он тогда своего учителя – от разочарования, от обиды! Ну, какой Ванька мастер – и молодой, и несерьёзный! Хм! Но вот уж кто был в себе вполне уверен, так это Барма. Он сразу сказал, что и работать он согласен, и что собор они построят прекрасный. Такой уж он, Ванька!

Постник прислушался, и, услышав сонное сопение соседа, наконец, с облегчением смог выпустить глубокий, тяжёлый вздох, почти стон. Да, как только замаячила перед ним новая, такая желанная работа, он забыл о матушке. Даже не вспомнил, что собирался не в Москву, а в свою деревню. А ведь мог бы хоть на денёк навестить мать. И тут же с горечью понял Постник, что не мог, не мог. Себя-то чего обманывать? Надо было поспешить в Москву. Не дай бог, царь отдал бы эту работу кому-нибудь другому. Что же я за человек-то такой? Господи! Помилуй мя грешного! – и перекрестился.

8. Супротивники

Истома угрюмо смотрел на постоянный двор, еле видимый в сумерках. Здесь жили его враги. И он собирался им отомстить, правда, пока не знал как. Лежа в лесу, под елью, после похорон волхва, услышал он новость о строительстве храма, но тогда не обратил на это особого внимания, мало ли церквей строят нечестивцы, забывшие настоящих богов.

Но вернувшись домой, услышал Истома ту же весть от жены, а затем и от лавочника, которому взялся нарубить дров. На следующий день ноги сами понесли его на Красную площадь. Истома смотрел на сновавших туда-сюда работников, на груды белого камня, штабеля досок, на подводы с грузом, на каменщиков, уже начавших кладку, и в душе его поднималась злоба. Великий волхв умер, а миру всё равно. Строят свою богомерзкую церковь, как будто им других мало. Вон, вся Москва ими полна! Порушили! Порушили! Всю жизнь мою порушили! – думал тогда Истома.

Вечер был прохладным, Истома зябко поёжился и решил идти домой. Обернулся в последний раз на дом и зло подумал: Ужо вам! Тяжело шагая в темноте, Истома вспомнил, как он впервые увидел своих ненавистников. В очередной раз, когда ноги сами собой зачем-то привели его к стройке, он стоял и смотрел на суетящихся людей. Взгляд его остановился на высоком, худом рыжем человеке. В этом людском море он один стоял неподвижно. В это время к нему подошёл другой мужик, белобрысый, плотный и что-то стал говорить, показывая на строящуюся церковь.

– Вот эти двое на стройке-то за главных, – произнёс с боку чей-то голос.

Истома повернул голову, рядом с ним стоял лоточник, торговавший пряниками. Товар свой он почти распродал. Ему хотелось поговорить:

– Баят, сам Государь поручил им эту стройку.

– Тебе-то откуда знать? – недоверчиво спросил Истома.

– Так народ говорит, не я.

– Много он знает, твой народ! – зло ответил Истома и сплюнул.

– Э-э, не скажи, мил человек, народ много чего знает! А ты чего сердит-то? Вот купи-ка лучше у меня пряничек, на душе-то и полегчает!

– Да разве душу-то пряниками лечат! – вконец рассердился Истома.

– Ну, как хочешь, – не стал спорить лоточник и отошел.

А Истома с этого дня стал наблюдать за зодчими, узнал, как их зовут, где живут. И вот сейчас, вспоминая всё, Истома подумал: сколько я буду так ходить и что выхожу? Нет, надо на что-то решаться! А что тут думать, пойти завтра да всё и решить в один миг! Да завтра я их убью! Царь-нечестивец поручил двум другим нечестивцам строить храм невиданной красы! Так не будет этого! Да. Возьму с собой топор и прямо на виду у всех зарублю и того и другого. Сам, конечно, сгину! А зачем мне жить, когда вся моя жизнь порушена? Зато все вокруг узнают, что не всеислен их бог! Есть у него супротивники! Вот так вот!

9. Митрополит в сомнениях

Митрополит Макарий, осторожно обходя строительный мусор, медленно подошёл к основанию строящегося собора. На душе у владыки было беспокойно. Разное болтали о строительстве храма. Многие считали, что строить должны были иноземцы. Ему же казалось, что его мечту о небесном граде лучше смогут понять и воплотить мастера одной с ним веры, одной с ним страны. Вот он и рекомендовал царю двух молодых зодчих. Ох, не ошибся ли он? Митрополит вздохнул и огляделся. Строители уже сложили фундамент и начали выкладывать цоколь собора. Стены в основании получались мощными, толщиной не меньше 3-4 аршин. Увидев Макария, с разных сторон к нему поспешили Барма и Постник:

– Благослови, Владыка! – в унисон сказали оба и поклонились в пояс.

Митрополит перекрестил обоих, вглядываясь в их лица. Да, он сам предложил царю этих зодчих. Они были талантливы, он знал это. Но неуютно было у владыки на душе, беспокойно что-то. Взгляд Яковлева был тревожным, он явно пытался понять, не случилось ли чего? Что привело на стройку столь высокое лицо. Барма же был задумчив, но его мысли были явно далеки от митрополита, он думал о чём-то другом.

«Каков? – досадливо подумал Макарий. – Слишком уж независим. И не скрывает этого».

– Ну, чада мои! Я пришёл разрешить свои сомнения. Многие говорят, что надо было поручить строительство фрягам. Теперь, когда стройка уже началась, и вы поняли всю сложность этого дела, я спрашиваю вас снова: справитесь ли?

– Храм, построенный нами, будет прекрасен, – быстро ответил Барма и глянул на митрополита ясными радостными глазами.

– Владыка! Мы справимся! – помедлив, поклонился Постник.

– Не бойтесь неудачи?

– Владыка! Разве можно приступая к такому делу думать о поражении? – не задумываясь, ответил Барма.

Макарий заметил, как досадливо дёрнулся уголок рта Яковлева.

– Ну что ж, благословляю эту стройку! Но, скажите мне, не слишком ли толсты стены основания? – и посмотрел на Барму. Но на этот раз вперёд быстро выступил Постник, пожалуй, слишком быстро:

– О нет, Владыка! Это основание должно выдержать вес стен девяти церквей. Мы всё просчитали и не раз проверили свои расчёты. – Яковлев, в отличие от друга, говорил спокойно, не торопясь.

– А каково будет дышаться в таком храме? – поинтересовался Макарий, – При стечении народа, духота наступит великая. Помните ли вы, что государь будет посещать сей храм?

– Мы помним об этом, Владыка! – поклонился Постник. – В уже отстроенном основании имеются продухи – отверстия, через которые свежий воздух будет поступать внутрь помещения и удалять из него мокроту, сырость. Такие же продухи будут сделаны в стенах всего собора и расположены они будут так, чтобы ветер продувал, выгонял затхлый дух.

Молча перекрестив зодчих ещё раз, Макарий повернул к своей карете. Сопровождающий митрополита священник отец Павел помог ему усесться, потом забрался в карету сам. Макарий глянул на отца Павла. Лицо того было бесстрастно. Ни удивления, ни тем более неодобрения столь странного поведения владыки не отразилось на нём – спокойное, благолепное лицо. «Вот как надо себя вести – усмехнулся Макарий, – Интересно, догадывается ли он, что я знаю о его тайной службе англичанам? Тоже мне хитрец! – но тут он вернулся мыслями к храму. То, что у зодчих хватит таланта и умения построить собор, он не сомневался. Он боялся другого, того, что кто-то или что-то может этому помешать. Тем более что Барма так неосторожен, так смел и прямолинеен. Слишком он весел, слишком лих. Жизнь для Бармы как подарок. Живёт, как

песню поет. Хотя это странно. Как известно Макарию, Иван Барма был сиротой, подобранным в детстве на проезжей дороге артелью плотников. Вряд ли его кормили пряниками и укладывали спать в мягкую постель. А вот, поди ж ты, он весел и бодр. Светлый человек! – совсем неожиданно для себя подумал Макарий, и тут же одёрнул себя: а правильно ли это так радоваться жизни? Человек приходит в сей мир, чтобы пройти испытания, страдать. А разве Барма не страдал, в сиротстве-то своём? Страдал, да видно не всё выстрадал. Ему, видать, Господь назначил другую меру страдания. Ох, грехи наши тяжкие! – перекрестился владыка.

10. Глядя вниз

Иоанн стоял на кремлёвской стене. Он любил здесь бывать. Смотрел на Москву, на людей сновавших внизу и даже не подозревавших, что сейчас за ними наблюдает царь. Ему здесь становилось спокойнее, куда-то уходили, отодвигались вдаль тяжкие думы об отечестве, о происках врагов, растворялась, таяла его вина перед людьми, коих он обидел. Как будто Господь в неизмеримой милости своей отпускал все его грехи!

Со стены хорошо был виден строящийся Покровский собор. Царь глянул вниз. Строители уже заложили из белого камня основание собора. И отсюда, с высоты, было отчётливо видно, что основание это создано в виде восьмиконечной звезды – символа Богородицы. Иоанн согласно покивал головой: это прекрасно, Богородица будет довольна! Хм, недавно ему нашептали, что митрополит посетил стройку, невиданное дело! Царь усмехнулся: боится Макарий, за голову свою боится! И правильно делает! Без страха ничего не сдвинуть в этом мире! Внезапно вспомнилось горькое, болезненное: его, царя, оставшегося малолетним сиротой, даже покормить забывали! Бояре власть меж собой делили, до ребёнка ли им было, пусть даже этот ребёнок – царь. А всё потому, что страха не было! Ничего, когда он немного подрос и окреп, то приказал отдать псарям на расправу вконец распоясавшегося князя Андрея Шуйского. Тогда притихли бояре, послушны стали, потому что страх появился! А ведь было ему в ту пору всего тринадцать лет! Даже сейчас, через много лет, вспоминая это, Иоанн испытывал чувство удовлетворения! Некоторые людишки упрекают его в жестокости, призывают к милосердию! А он – царь! Он вправе наказывать и миловать своих холопов! Казнить виновных – его христианский долг, долг государя! Вот недавно он прочёл книгу, там иноземный христианский воевода Дракула не знает пощады ни к своим подданным, ни к врагам отечества и веры, казнит их направо и налево. Вот уж кто жесток-то! А он-то по сравнению с Дракулой младенец!

И как верно сказал этому Дракуле один монах: «Государь Богом поставлен казнить злодеев и награждать добродетельных». Очень хорошо сказал! Он, московский царь, так и делает. Больше, правда, казнит, чем награждает. Но это только моё дело. Я – царь!

Иоанн благодушно прикрыл глаза, постоял умиротворённый. Затем повернулся и пошёл прочь со стены.

11. Таинственный камень

Барма торопливо переходил Троицкую площадь. Лето покидало Москву, уступая место осени. Листья на деревьях почти полностью пожелтели и покраснели, только ивы и сирень оставались пока зелёными. Солнце светило ещё по-летнему, но воздух уже был свежий, осенний. Народ обрядился в епанчи, кафтаны, телогреи. Иван скользнул взглядом по сидевшему на земле человеку и пошёл дальше. Нищий, много их тут побирается. Но что-то в этом нищем было не так, Иван оглянулся. Человек, сидящий на холодной земле, был голым, а худое, какого-то синюшного цвета, тело его было обмотано веригами.

Вот оно что – юродивый! Барма зябко поёжился. Последний раз он видел юродивых, когда обитал в монастыре. Отвык. Жутковатое зрелище. Иван нашупал в кармане грошик, вернулся и положил монетку в шапку нищего. Тот взглянул на зодчего блёклыми серо-голубыми глазами и схватил его за руку:

– Церковь твоя в веках стоять будет, только ты камень в подпол закопай!

– Что? Какой камень? – опешил Иван, пытаясь вытащить свою руку из цепкого захвата юродивого.

– Поглубже закопай! – снова сказал нищий, выпустил руку Ивана и добавил, – Иди с Богом! Ничего не бойся! – и, уже вслед отходящему Барме, тихо добавил, – Жаль, что помрёшь молодым.

«Хитёр мужичок! – думал Иван, направляясь к стройке собора, – Выведал, что я зодчий и решил меня прозорливостью своей удивить, в расчете на постоянную милостьню. Ну, да Бог с ним! У каждого свой хлеб».

Он увидел Яковлева, беседующего около завалов кирпича с артельным каменщиком Тимохой, и, смеясь, рассказал им об уловке нищего. Однако, вопреки его ожиданиям, собеседники остались серьёзными.

– Это Василий Блаженный! Божий человек! Разве не знаете? – удивлённо спросил Тимоха, – Нет? Чудеса о нём рассказывают. Может, иной раз и привирают, кто знает. Только одно чудо я сам видел. Этим летом иду я раз по рынку, вдруг слышу – шум, гам, крик. Что такое? Оказалось, Блаженный у одного калачника весь товар, все его калачи побросал на землю. Ну, народ возмущаться стал: зачем такое делаешь? Тут калачник-то и покался: он в тесто известь и мел подмешивал. Вот так-то. Блаженный правду видит. Дано ему это, значит, стоять ваша церковь будет в веках, не сомневайтесь.

Уже дома, укладываясь спать, Барма задумчиво обратился к другу:

– Слушай, Постник. Этот Блаженный ведь ещё кое-что сказал. Я тогда внимания не обратил, думал, что старик просто подаяние выманивает. Но, если он – провидец, может его слова какой-то смысл имеют?

– А что он сказал-то? – зевая, спросил Постник.

– Церковь твоя в веках стоять будет, только ты камень в подпол закопай! Поглубже закопай! – повторил Иван слова юродивого.

– Какой камень? Ты его спросил?

– Знамо, спросил. Но он не ответил. Сказал только, чтобы я ничего не боялся.

– Мда! Темны слова его. У юродивых всегда так. Ну, да ничего, раз он сказал: не бойся, значит, бояться нечего. Позже поймешь, что надо делать. Поздно уже, давай спать.

12. Дракула

-Максимка! Сходи-ка дров занеси, чтобы завтра поутру сразу печь затопить.

- Сейчас, матушка, – отозвался сын, передвигая слона на шахматной доске. Затем победно глянул на своего соперника:

- Всё, мат Вам, дядька Постник! – и побежал во двор.

Яковлев досадливо хлопнул ладонью по столу. Ну и парень! Научил играть на свою голову. Полгода назад он и про шахматы-то ничего не знал. А вот, поди ж ты, уже второй раз у него выигрывает. Ну да ладно, в другой раз отыграюсь. Постник аккуратно сложил фигуры, доску и поднялся на второй этаж, к себе в комнату. Иван сидел за столом, наклонив голову к свече.

- Ивашка, ты чего делаешь?

- Не мешай, читаю книгу «Сказание о Дракуле воеводе».

- Это что за книга такая? – не отставал Постник.

- Страшная!

- А зачем тогда читаешь?

- Интересно. Не мешай.

Но Постнику было скучно:

- Слушай, а я Максимке в шахматы проиграл. Ему всего и лет-то, а как играет!

- Угу, – отозвался Иван.

- Что угу?

- Он хорошо играет, а ты – плохо. Сказал же, не мешай!

- Я плохо играю? – рассердился Постник, – А ты вовсе играть не умеешь!

Барма аккуратно закрыл книгу, глянул на друга и рассмеялся:

- Так и ты, видать, недалеко от меня ушёл, если тебя парнишка обыгрывает!

Постник обиделся:

- Он всего два раза у меня выиграл.

- Лиха беда – начало! – снова улыбнулся Иван, но посмотрев на загрустившего Постника, сказал:

- Брось! Все знают, что ты хороший игрок. Почти всегда выигрываешь. Может, у Максимки талант к шахматам? Бывает такое. Я вот совсем играть не умею.

- Да, – повеселел Постник, – А ведь, сколько я тебя учил, не в коня корм! – И уже совсем успокоившись, спросил:

- Так о каком воеводе ты читаешь?

- О воеводе Дракуле!

- Разве был такой воевода?

- Был, только не на нашей земле, а в чужой стороне. Он был государем Мунтении.

- Это где же?

- Не знаю, но был он христианином греческой веры и воевал с турками.

- Значит, хороший был воевода!

- Жестокий!

- Получается, плохой что ли?

Иван задумался и растерянно ответил:

- Не знаю! Понимаешь, этот Дракула за христианскую веру горой стоял! Это да! Но он наказывал подданных своих за любое прегрешение.

- За прегрешения положено наказывать, иначе порядка не будет, – хмыкнул Яковлев.

- Так ведь это смотря как наказывать! – убеждённо ответил Иван. – Ну вот, например, бабу за прелюбодеяние побить можно?

- Так уж положено! Хотя, может и жалко!
- Вот видишь, тебе жалко. А Дракула приказывал кожу сдирать!
- С живых что ли? – ужаснулся Постник.
- Да в том-то и дело, что с живых! – запальчиво откликнулся Иван.
- Вот как! – Яковлев помолчал, потом озабоченно посмотрел на товарища и осторожно сказал:
 - Слушай, не нашего ума это дело, обсуждать деяния воевод и королей. И вообще, не читай ты такие книжки, греха не оберёшься!

13. Учитель в темноте

Тёмным вечером, на окраине Москвы к заброшенному старому дому подошёл человек. По виду это был высокий, крепкий мужик, одетый в поношенный армяк и суконную шапку. За плечами у него была котомка, в руках посох. Шел он в темноте очень уверенно, быстро, но бесшумно. Путник внимательно оглядел дом, потом быстро посмотрел вокруг и решительно потянул на себя дверь, заколоченную досками крест-накрест. Удивительно, но дверь открылась, причем совершенно бесшумно.

- Учитель, это я, – негромко сказал вошедший.
- Кто ты? – раздался негромкий голос в темноте.
- Я – Игнатий!
- Протяни руку.

Путник послушно вытянул вперед правую руку. Эту руку кто-то обхватил за запястье и потянул за собой. И так, осторожно передвигаясь в темноте, они дошли до ещё одной двери и вошли в неё. Когда дверь за ними захлопнулась, руку отпустили. Загорелся огонёк свечи. В неясном свете путник увидел маленькую комнату без окон, похожую скорее на чулан. У стены стоял небольшой стол со жбаном и кружками. Рядом в кресле сидел полный мужчина в монашеском одеянии.

- Садись, брат. Ты, наверное, устал? Не хочешь ли чего-нибудь выпить?
- Да, в горле пересохло, неплохо бы кваску, – ответил, усаживаясь, мужик.
- Ну, как всё прошло, ты передал моё послание? – спросил монах, подавая гостю кружку с питьём.
- Да, он сказал, что о новой встрече сообщит, когда будет нужно, – Мужчина жадно выпил всю кружку и осторожно поставил её на стол.
- Что-то ещё говорил?
- Сказал, что русские – варвары и язык наш варварский. Это когда я поведал ему, что у нас не король, а царь, – тут мужик улыбнулся, – а я в ответ молвил, как вы меня учили, что слово царь производится от римского цезаря.
- А он что же? – тоже улыбнулся монах.
- Скис, но смолчал.
- Так-так, но что-то ещё говорил? Ты должен всё запоминать, Игнатий.
- Он сказал, что, простите меня, учитель, но он сказал, что царь Иоанн сошёл с ума, раз доверил строительство Покровского собора в Москве русским зодчим.
- Вот как? Очень неосторожно!
- Я так ему и сказал. И вот ещё что. Мы наткнулись в лесу на капище язычников.
- Старое капище, заброшенное?
- Было действующим, пока его не разграбили. А разграбили его несколько дней назад. И там были остатки погребального костра. Свежие остатки.
- А людей там не было?
- На капище нет. Но потом, в лесу, мимо меня прошёл человек, очень быстро прошёл, и он был явно не в себе. Может быть, это был совсем посторонний человек? Кто знает?
- Ну да, кто знает! Он тебя видел?
- Нет, я думаю, что нет.
- А узнаешь этого лесного мужика, если увидишь?
- Да, – коротко ответил гость, – узнаю.
- Ну, теперь вот что, дорогой Игнатий, тайком встречаться больше не будем, неудобно мне это, да и тебе тоже. Вот возьми, – монах протянул небольшой свёрток собеседнику, – Здесь деньги, купи себе дом, где-нибудь недалеко от Варварки, небольшой дом, но крепкий, теплый

и хороший для жизни. Если будут спрашивать, скажи, что батюшка твой в деревне помер, вот ты и решил с деньгами, что от него остались в Москву переселиться и заняться здесь ну..., ну чем ты можешь заняться?

– Шорником могу быть, – подсказал Игнатий

– Конечно, шорничеством. А я к тебе на постой встану. Так как приехал из монастыря по делам к Митрополиту, Владыке Макарию. Такие дела быстро не делаются, а жить где-то надо. Ну, да это не важно, про себя я сам всё объясню, если нужда будет. И вот ещё что, ты не очень-то хвастайся своими познаниями в латыни. Не всё другим сказывай, что от меня слышишь.

– Я разумею это, учитель. Просто уж больно спесив был иноземец-то! Ну, я и не удержался.

Игнатий ушел, а монах задумался. Человек, известный многим в Москве под именем монаха Пафнутия, был эмиссаром из далёкого 23 века, направленным в Москву эпохи Грозного следить, чтобы история страны развивалась в соответствующем направлении. Чтобы никто и ничто не свернуло её в сторону. А желающих повернуть историю России было немало, так что работы у Пафнутия хватало. Но сейчас он задумался о другом. Очень трудно найти помощников в своём деле среди местного населения. Вначале они никак не могут понять, с кем имеют дело, пугаются. А потом, некоторые из них становятся излишне болтливыми, неосторожными. Вот и Игнатий туда же. Надо же, решил поучить спесивого иноземца. Ну, да ладно, беда небольшая. А помощник-то всё равно нужен, без него нельзя.

14. Потеря

Постник и Барма сидели в тени строящейся стены храма на лавке и уплетали принесённую Максимкой нехитрую снедь, заботливо приготовленную Алёной для своих постояльцев. Аппетит у обоих был отменный. Ели молча, как и положено. Наконец Постник поставил пустой горшок из-под пареной репы на лавку, с сожалением посмотрел на него и вздохнул:

– А я ещё бы съел, – и с надеждой спросил, – У тебя не осталось?

– Нет, – отозвался Барма, доедая последнюю ложку репы. Затем быстро выпил молоко и, довольный, прислонился к стенке.

– Слушай, Ванька, – спросил Постник, – Ешь ты не меньше меня, а худой – как будто тебя впроголодь держат, почему, а?

– Кто его знает? – отозвался Барма, – Я всегда такой был. Может, я в родителей пошёл.

– Так у тебя родители – худые? И мать, и отец?

– Да, не знаю я! – вдруг рассердился Иван.

Яковлев с удивлением посмотрел на друга:

– Ты чего взбеленился-то, Иван? Первый раз тебя сердитым вижу! Ну не хочешь, не отвечай!

Оба помолчали. Потом Барма, уже спокойно, ответил:

Не помню я родителей своих. Вернее, плохо помню. Я ведь потерялся, мне тогда годков 6-7 было. Мы ехали куда-то. Зачем, куда – ничего не помню. А помню, что лежу я на телеге – весёлый такой, а старший брат меня травинкой за пятку щекочет. Можешь поверить, вот только это и помню о брате.

Помолчали.

– Ну, а как ты потерялся-то? – не выдержал Постник?

– Мы остановились на ночлег в поле. Ночью проснулся я по нужде. И вдруг вижу невдалеке свет какой-то. Ну, я и пошёл посмотреть, что это за свет. Интересно мне стало, ребёнок ведь. Я иду, а свет этот от меня удаляется. Я иду к свету, а он от меня. Вот так я шёл, шёл, а потом всё пропало и я ничего больше не помню, очнулся уже утром. Я лежу на дороге, вокруг меня мужики толкуются и кричат:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.